

В. В. Макушев

**История болгар в труде К. О.
Иречка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В. В. Макушев
В11 История болгар в труде К. О. Иречка / В. В. Макушев – М.: Книга по Требо-
ванию, 2013. – 148 с.

ISBN 978-5-4241-6954-0

Журнал министерства народного просвещения. История болгар в труде К.
О. Иречка в двух частях. Заметки о некоторых иностранных писателях о России
в XVII веке.

ISBN 978-5-4241-6954-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

tiner im XI Jahrhundert“ stellt die Geschichte Symeon's in ein ganz neues Licht, vorzüglich durch Aufdeckung neuen Quellenmaterials“. На стр. 163, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніи, упоминается изслѣдованіе г. Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“, о существованіи котораго г. Иречекъ вовсе не зналъ. На стр. 174 въ примѣч. 1 находимъ ссылку на „новое изслѣдованіе профессора С.-Петербургскаго университета Васильевскаго“ (подразумѣвается „Византия и Цезенѣги“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 года), котораго также было неизвѣстно г. Иречку, и т. д.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что на переводѣ д. Яковлева не всегда можно полагаться, и что необходимо иногда прѣвѣрять его съ подлинникомъ.

Замѣтимъ наконецъ, что въ самомъ заглавіи перевода: „Исторія Болгаръ“ находится ошибка противъ русскаго языка: г. Яковлеву должно бы быть извѣстно, что старо-славянское сочетаніе лъ переходитъ у насъ въ ол, а не въ ул, а слѣдовательно старо-славянскому Влѣгаре будетъ соответствовать въ русскомъ языкѣ форма Волгаре, а не Булгаре.

Русскій переводъ сдѣланъ по изданію на нѣмецкомъ языкѣ (Geschichte der Bulgaren, Prag. 1876, стр. XI, 587). Одновременно съ нимъ вышло чешское изданіе (Dějiny národa Bulharského, v Praze 1876, стр. VIII, 536). Въ обоихъ изданіяхъ находятся предисловіе, не переведенное г. Яковлевымъ, и алфавитный указатель, облегчающій справки и олущенный, въ сожалѣнію, переводчикомъ.

Тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ „Исторіи Болгаръ“ М. С. Дриновъ написалъ въ Болгарское ученое общество въ Браилѣ письмо (Прага, февраль 1876 года), въ которомъ изложилъ свое мнѣніе о трудѣ г. Иречка. Это письмо было напечатано въ изданіи Браилловскаго общества: Периодическо списаніе на Влѣгарското Книжовно Дружество (1876 г., кн. XI—XII), и вслѣдъ затѣмъ, появилось въ переводахъ: чешскомъ (Časopis Českého Musea 1876) и нѣмецкомъ (Archiv für Slavische Philologie, II Bd., 1 Heft). Помѣщая въ своемъ журналѣ рецензію г. Дринова, профессоръ Ягичъ сдѣлалъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „Es wird wohl keiner Rechtfertigung bedürfen, dass ich diese Anzeige eines in erster Linie allerdings geschichtlichen, aber auch für die Literaturgeschichte und Alterthumskunde des betreffenden Volkes viel wichtiges enthaltenden Werkes in unsere der slav. Philologie gewidmeten Zeitschrift aufgenommen habe. Die Anzeige rührt von einem Manne her, der wohl heute als der competenteste Beurtheiler

dieses Werkes angesehen werden darf, nicht blos darum, weil ihm als geborenen Bulgaren die heutigen Verhältnisse am nächsten liegen, sondern auch weil er selbst durch eine Reihe von Beiträgen gerade für die Erforschung der bulg. Geschichte bahnbrechendes geleistet hat". Изъ этихъ словъ видно, какъ высоко цѣнить г. Ягичъ трудъ г. Иречка и рецензію г. Дринова. Въ двухъ другихъ примѣчаніяхъ почтенный редакторъ Архива Славянской Филологіи упоминаетъ объ изслѣдованіяхъ гг. Иловайскаго (О началѣ Руси) и Дринова (Южные Славяне и Византия въ X вѣкѣ). Кромѣ того, въ примѣчаніи на стр. 171 онъ обращаетъ вниманіе на болгарскія собственные имена въ рукописномъ Евангеліи въ Cividale. Такъ какъ г. Ягичъ придаетъ большое значеніе для болгарской исторіи одной записи въ этой рукописи, то мы позволимъ себѣ немного остановиться на ней.

По мнѣнію Бетмана и Ваттенбаха, чивидальская рукопись относится къ V—VI столѣтію, а записи, состоящія изъ именъ поклонниковъ, „qui venerunt in isto monasterio“ (вѣроятно, въ Аквилѣ), не старше конца VIII и не моложе конца X вѣка. Въ числѣ этихъ именъ встрѣчаемъ имена болгарскія, хорватскія, паннонскія и моравскія: по мнѣнію К. О. Иречка, эти имена были внесены въ чивидальскую рукопись въ концѣ IX вѣка (Časop. Česk. Mus. 1876, str. 776). Между болгарскими именами находятся имена Болгарскаго царя Георгія Михаила (Hic sunt nomina de Bulgaria, imprimis rex illorum Georg Michael), двухъ его братьевъ (Dox et Gabriel), жены Маріи, четырехъ сыновей (Razate, Gabriel, Simeon et Jacob) и двухъ дочерей (Praxi et Anna). Г. Ягичъ, подобно г. Иречку (стр. 775), подъ Георгіемъ Михайломъ разумѣетъ Бориса-Михаила, перваго христіанскаго государя Болгаръ. Имена болгарскаго княжескаго семейства внесены въ чивидальскую рукопись, какъ полагаетъ г. Ягичъ, по просьбѣ перваго болгарскаго поклонника, о коемъ упоминается въ записи, писанной тою же рукою, которая вписала имена членовъ этого семейства: De Bulgaria qui primus venit in isto monasterio nomen ejus Sondoke (далѣе слѣдуютъ имена двухъ его женъ, отца, матери, двухъ сыновей и пятерыхъ дочерей, а потомъ читаемъ): „... et alius homo bonus Petrus... et Georgius. Г. Иречекъ утверждаетъ, что подъ именами Petrus и Sondoke въ этой запискѣ разумѣются Петръ, родственникъ Бориса и посоль его къ папѣ въ 869 году, и Sundicus, болгарскій бояринъ, присутствовавшій на Константинопольскомъ соборѣ 870 года; но такому объясненію противорѣчатъ слова: „et alius homo bonus (Petrus)“: извѣстно, что въ западной

Европѣ богомилы назывались *boni homines*; слѣдовательно, Petrus былъ богомилъ, но по записи второй (*alius*) изъ посѣтившихъ монастырь, первымъ же, конечно, былъ выше его записанный *Sondoke* (Сѣдъкъ). Наша догадка оправдывается еще тѣмъ, что одна изъ дочерей Сѣдъка называлась, по записи, *Vogomilla*,— имя, указывающее на принадлежность къ богомилской ереси (Богомилъ = Теофилъ, ученикъ апостола Павла, былъ въ особомъ почитаніи у богомиловъ и павликианъ). Если же Сѣдъкъ и Петръ были богомилы, то запись не можетъ относиться къ IX вѣку, и упоминаемый въ ней гех *Vulgaogum* не можетъ быть Борисъ Михайль. По нашему мнѣнію, вышеупомянутыя записи относятся къ началу XI вѣка, когда стало распространяться богомилское ученіе въ Италиі вообще и въ сѣверной ея части въ особенности (въ Веронѣ, Тревизѣ, Бергамо, Мантуѣ, Миланѣ) и когда впервые появились въ ней миссіонеры болгарскихъ богомиловъ. Къ болѣе позднему времени эти записи нельзя отнести, потому что съ 1018 года у Волгарь не было уже царей (до восстановленія царства въ концѣ XII вѣка); а въ это время, то-есть, въ началѣ XI вѣка, въ Болгаріи царствовалъ Гавріиль Романъ Радомиръ, который вмѣстѣ съ женою своею былъ самымъ ревностнымъ послѣдователемъ богомилскаго ученія, и мы полагаемъ, что его слѣдуетъ разумѣть подъ гех *Georg Michael*, не смотря на несходство имени (что можетъ быть различнымъ образомъ объясняемо), ибо немисливо, чтобы богомилъ сталъ вносить въ такую священную книгу, какъ Евангеліе, имя православнаго царя, особенно же Бориса-Михаила, жившаго почти за два вѣка передъ тѣмъ. Въ пользу нашей догадки говоритъ еще то обстоятельство, что у Романа Гавріила было столько же дѣтей, сколько упоминается въ записи: пять сыновей и двѣ дочери (пятый сынъ, вѣроятно, родился позже записи). Намъ могутъ возразить, что невозможно допустить, чтобы богомилы, отвергавшіе церковную іерархію, не почитавшіе иконъ и мощей, ходили на поклоненіе въ католическій монастырь. На это мы отвѣтимъ, что чивидальская рукопись приписывалась въ средніе вѣка апостолу Марку, что апостолы и особенно евангелисты были въ большомъ почитаніи у богомиловъ, и что поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если они ходили въ католическій монастырь вписывать свои имена въ такую священную книгу, какъ собственноручное Евангеліе апостола Марка.

Что касается рецензіи г. Дринова, то при всемъ уваженіи къ его знаніямъ, мы далеко не раздѣляемъ мнѣнія о ней г. Ягича. Она написана подъ первымъ впечатлѣніемъ—поспѣшно и необдуманно. По

всей вѣроятности, онъ не предполагалъ, что она приобрететъ такую известность, и вслѣдствіе того, будетъ подвергнута критикѣ г. Дринова, какъ Болгаринъ и притомъ писавшій для Болгаръ, слишкомъ увлекся: онъ приписалъ труду г. Иречка такія достоинства, какихъ въявь не имѣетъ, и унижилъ предшественниковъ ея автора. Не отрицая трудолюбія и известнаго литературнаго таланта г. Иречка, допуская даже нѣкоторую долю самостоятельности въ его трудѣ, мы не можемъ согласиться съ отзывомъ г. Дринова о научномъ значеніи „Исторіи Болгаръ“ и объ отношеніи ея къ предшествовавшимъ ей изслѣдованіямъ. Его „Исторія Болгаръ“, говоритъ рецензентъ, — одна долго будетъ исходною точкою, отъ которой будутъ отправляться всѣ изслѣдователи нашей прошлой жизни; а многочисленныя открытія (многочисленныя открыванія, въ чѣшскомъ переводѣ смягчено: četné samostatné výsledky, также и въ нѣмецкомъ: Die vielen selbständiggewonnenen Resultate), которыя онъ внесъ въ свою книгу, останутся навсегда драгоценнымъ вкладомъ въ славянскую науку“. Къ сожалѣнію, эти открытія весьма немногочисленны и притомъ не всегда надежны, какъ постараемся доказать въ настоящей статьѣ. Особенныхъ похвалъ удостоился г. Иречекъ за исторію втораго Болгарскаго царства, которую, по словамъ рецензента, „изложилъ съ такою полнотою, подробностью и основательностію, что эта до сихъ поръ малоизвѣстная часть нашей исторіи можетъ нынѣ считаться наиболѣе извѣстною и наилучше обработанною“. Г. Дриновъ предполагаетъ, что г. Иречку предстоялъ огромный трудъ — собирать разнообразный матеріалъ, разбросанный по разнымъ книгамъ; очищать критикою, приводить въ порядокъ и объяснять. Онъ говоритъ, что г. Иречку только въ весьма немногихъ вопросахъ помогли труды его предшественниковъ. Сравнивъ съ этими трудами „Исторію Болгаръ“, мы пришли къ убѣжденію, что г. Иречекъ прибавилъ весьма мало къ тому, что уже прежде было извѣстно, что это малое не имѣетъ существенной важности, что онъ скорѣе справлялся съ источниками, чѣмъ изучалъ ихъ, и что исторія втораго Болгарскаго царства была разъяснена прежде него русскими учеными, — какъ будетъ доказано ниже. Точно также мало новаго сказалъ г. Иречекъ о Болгаріи подъ турецкимъ владычествомъ, хотя, по мнѣнію г. Дринова, ему предстоялъ при этомъ большой и тяжелый трудъ (голубымъ и тяжелымъ трудъ). Только относительно 25-й главы (внутренняя исторія Болгаріи въ XIII и XIV вѣкахъ); мы готовы согласиться съ г. Дриновымъ, хотя не раздѣляемъ его увлеченія. Что касается остальныхъ частей „Исторіи Болгаріи“ (за исключеніемъ топо-

графическаго описанія и свѣдѣній о новѣйшей болгарской литературѣ), то самъ рецензентъ не признаетъ ихъ трудомъ самостоятельнымъ и сожалѣетъ о разныхъ ошибкахъ и промахахъ, встрѣчающихся въ нихъ.

Вообще, по нашему мнѣнью, ошибочно смотрѣть на книгу г. Иречка, какъ на трудъ ученый, самостоятельный и критическій: самостоятельнаго въ ней мало, а трудами своихъ предшественниковъ г. Иречекъ пользуется некритически, принимая обыкновенно послѣднее по времени мнѣнїе за послѣднее слово науки и относясь слишкомъ раболѣпно къ мнѣнїямъ Шафарика, Миклошича и другихъ западно-славянскихъ ученыхъ. Отъ того въ его книгѣ много ошибокъ и промаховъ, которые постараясь исправить. Кромѣ поправокъ, представляемъ наши дополненія къ труду г. Иречка и замѣчанія по поводу рецензїи г. Дринова, которую будемъ имѣть постоянно въ виду.

Исходя изъ положенія, что „все умственное развитіе народа въ значительной степени обуславливается устройствомъ поверхности и характеромъ мѣстности, на которой онъ поселился“, г. Иречекъ начинаетъ свой трудъ орографическимъ и гидрографическимъ описаніемъ земель, входившихъ нѣкогда въ составъ Болгарскаго царства: это — первая глава „Исторїи Болгаръ“. При ея составленїи, авторъ пользовался многочисленными трудами какъ иностранцевъ (Ганъ, Гризобахъ, Каницъ, Петерсъ, Рокштрб, Гохштеттеръ, Фальмерайеръ: — на нѣмецкомъ языкѣ, Ами-Буэ, Вланки, Лежанъ, Прю — на французскомъ), такъ и Славянъ (Верковичъ и Григоровичъ на русскомъ языкѣ, Захарїевъ, Панаїотъ Гитовъ и Кристо Поляковъ на болгарскомъ, Мачаѣ и Милоевичъ — на сербскомъ). Кромѣ того, встрѣчаемъ указанїя на Страбона, Византїйцевъ (Кедрипъ, Никита Хонскїй, Никифоръ Григоръ, Кантакузинъ), эпирскую лѣтопись Музаки, болгарскія и сербскія грамоты, акты Константинопольскаго патріархата, сербскія лѣтописи и даже болгарскія пѣсни и поэмъ „Османъ“ знаменитаго дубровницкаго поэта Гундулича. На основанїи этихъ источниковъ авторъ представляетъ характеристику каждой мѣстности, приводя при этомъ, рядомъ съ нынѣ употребительными названїями, употреблявшїися въ древности и въ среднїе вѣка. Придирчивая критика могла бы указать автору на то, что онъ кое-чѣмъ не воспользовался, и что его заимствованїя изъ Византїйцевъ отличаются случайностью. Мы ограничимся только двумя замѣчанїями на эту главу — безспорно одну изъ лучшихъ въ книгѣ г. Иречка: 1) говори о хроникѣ Музаки, онъ ссылается на отрывки, изданныя нами въ V книгѣ Трудовъ Югославянской Академіи, конечно, не зная, что вса хроника

издана кенигсбергскимъ профессоромъ Карломъ Гопфомъ въ 1873 году въ его „Chroniques Gréco-Romanes“; 2) производство названія „Добруджа“ отъ имени „Добротичъ“ филологически невозможно и исторически невѣрно: удѣлъ Болгарскаго деспота Добротича (въ половинѣ XIV вѣка) находился не въ Добруджѣ, а на югъ отъ Варны по берегу Чернаго моря и по теченію рѣки Камчика.

Слѣдующія двѣ главы („Ѳрако-Иллирійцы и Римляне“ и „Славянская колонизація на Балканскомъ полуостровѣ“) составлены преимущественно по извѣстному изслѣдованію харьковскаго профессора М. С. Дринова: „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ (Москва, 1873 г.). Отъ себя авторъ прибавилъ во II-й главѣ замѣтки о курганахъ на Балканскомъ полуостровѣ, о языкѣ и образѣ жизни Ѳракійцевъ и о покореніи полуострова Римлянами (по Захаріеву, Рёслеру, Форбигеру, Моммзену и вѣк. др.). Археологическія свѣдѣнія, почерпнутыя г. Иречкомъ въ небольшомъ трудѣ Захаріева (Описаніе Татарпасарджикскаго округа), можно въ настоящее время пополнить извѣстіями, сообщенными Ефремомъ Карановымъ въ описаніи Кратовскаго округа, лежащаго между рѣками Брѣгальницею, на берегахъ которой, по преданію, началась апостольская дѣятельность св. Кирилла, и Кривою („Описание на Кратовската каза“ въ „Периодич. Спис. на Българското Книжовно Дружество“, кн. XI и XII, 1876). Въ концѣ этой главы авторъ касается любопытнаго вопроса объ автохтоніи Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Принимая мнѣніе г. Дринова, что Славяне появляются за Дунаемъ не ранѣе II—III столѣтія по Р. Х., авторъ приводитъ примѣры „куръезныхъ коверканій географическихъ названій“, на которыхъ основана Ѳрако-славянская теорія. „Вся шаткость этой теоріи“, говоритъ въ заключеніе г. Иречекъ, — „лучше всего видна въ толкованіи Булазоба (Була-ѡра). Городъ этотъ лежалъ въ верхней Македоніи, гдѣ теперь стоитъ Велесъ, и упоминается въ первый разъ въ 216 году до Р. Х. Имя якобы чисто славянское: Була-зога — Бѣлая зоря. Дѣйствительно, странное названіе! По нашему мнѣнію, совершенно непонятно, какъ могла зародиться странная мысль назвать городъ такимъ поэтическимъ именемъ. Кромѣ того, зоря обыкновенно алая, а не бѣлая. Прибавимъ сюда еще сильное филологическое опроверженіе. Названіе съ незапамятныхъ временъ могло произойти по болгарски не Была, а только Бѣла зора. Дѣйствительнаго, смысла названія приходится искать въ языкѣ Албанцевъ (?!). На этомъ языкѣ uga, uge, которое, очевидно (!) входитъ въ составъ нашего названія (Булаз-ога), значить

мость, и Ганъ справедливо говоритъ, что природа какъ-бы сама назначила мѣсто, гдѣ теперь стоитъ Велесъ, для моста черезъ бѣшеный Вардаръ, который, вѣроятно, и былъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ только люди стали строить мосты. Также Турки, называя Велесъ, албанскій Вълъсъ, византийскій и новогреческій Βελεσός или Βελεσά, перевели Bylazova Kjörgülü отъ kjörgülü — мостъ „(русскій переводъ“, стр. 67). Отъ такого словопроизводства, не будь въ обиду сказано, почтеннѣйшій М. С. Дриновъ пришелъ въ восторгъ. Въ своей рецензiи (Периодич. Спис. Българското книжовно Дружество кн. XI и XII, стр. 218—219) онъ говоритъ: „Това обяснение е, колкото остроумно, толкова и основателно. Съ него г. Иречекъ е нанесълъ послѣднѣй ударъ на трако-илирската теория“. Еслибы дѣйствительно такимъ словопроизводствомъ былъ нанесенъ послѣднiй ударъ ераво-славянской теорiи, то честь его принадлежать не г. Иречку, а англійскому путешественнику Лику (Leake), который въ своемъ „Travels in Northern Greece“ (III, 470) производитъ Βολάζωρα отъ албанскаго Welese и ure, ura; но на неосновательность такого словопроизводства указалъ уже знаменитый албанонологъ Ганъ. Въ „Reise von Belgrad nach Salonik“ (Wien, 1861, стр. 102) онъ говоритъ: „Sobald wir den Namen als albanesisches Wort fassen und bedenken, dass die Hellenen das gedeckte albanesische e durch andere Laute ersetzen mussten, so erscheint Leake's Zusammenstellung von Welese mit dem alten Bylaçora (Βολάζωρα) als ganz unbedenklich. Auffallend ist nur, dass ure, bestimmt ura im Albanesischen die Brücke heisst, und dass sich demnach Bylaçora mit Wellesbrücke übersetzen liesse, wenn wir eine ähnliche albanesische Composition beibringen könnten, in welcher, wie im Türkischen, der Genitiv vor dem Nominativ steht. Bei allen uns bekannten albanesischen Compositis folgt je doch der Genitiv dem Nominativ nach“. Не смотря на такое опроверженiе, основанное на духѣ албанскаго азыка, г. Иречекъ заимствовалъ у Лика словопроизводство. Былазоровъ и чистосердечно вѣрить въ его неогрѣшимость; поэтому считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ загадочномъ названiи. Въ немъ суффиксъ ор напоминаетъ часто встрѣчающiйся у Византийцевъ суффиксъ ур=ор въ названiи племенъ: Утургуръ и Утигуръ (у Прокопiя) = Утригуръ и Витигуръ у Агаѳiя и Менандры (=Витугоръ у Жорнанды); Кутургуръ (у Прокопiя) = Котригуръ у Агаѳiя и Менандра = Котраги у Теофана и Никифора; Амалзуръ (у Приска); Ультинзуръ (у Прокопiя и Агаѳiя) = Ульдингуръ (у Жорнанды) и т. п. Что во всѣхъ этихъ племенныхъ

названіяхъ ур=ор есть суффиксъ; видно изъ того, что Котригуры называются также Котраги (срв. Котрагъ — предводитель Болгаръ, перешедшихъ въ первый разъ за Дунай). Какому языку принадлежить этотъ суффиксъ — трудно рѣшить, потому что онъ встрѣчается у народовъ Тюркскихъ, Финскихъ и Германскихъ (Амалзуры, Гермундуры). Что касается корня слова Βολαζωρα, то Βυλαз напоминаетъ Βυλλіς, названіе римской колоніи въ Эпирѣ, и селеніе Вулла тамъ же, въ Дельвинской области, Филятскаго округа (Αραβαντινός, χωρογραφία τῆς Ἠπειροῦ, т. II, σελ. 355). Что бы значило и на какомъ языкѣ названіе Βολαζωρα, мы не беремся объяснять, считая это непроезводительною тратою времени: можемъ только сказать рѣшительно, что оно не значитъ ни Бѣлая заря, ни Велесовъ мостъ. Такимъ образомъ, попытка г. Иречка уничтожить однимъ ударомъ ерако-славянскую теорію оказывается столь же неудачною, какъ сама теорія, которой, впрочемъ, онъ касается слегка, повторяя въ немногихъ словахъ сказанное г. Дриновымъ (Погледъ врѣхъ происхождѣнъ-то на Български народъ, стр. 82—87; Засел. Балк. пол. Слав., стр. 26—40).

III-я глава — „Славянская колонизація на Балканскомъ полуостровѣ“ — вся написана по магистерской диссертаціи г. Дринова. Дополненія незначительны и неумѣстны: такъ, на двухъ страницахъ (71—72) говорится о Троянѣ у Славянъ въ доказательство того, что они сохранили до сихъ поръ память о побѣдѣ Даковъ, хотя славянской Троицѣ — личность далеко не историческая; такъ же не встаетъ приводятся славянскія названія деревень въ Трансильваніи (стр. 78), гдѣ еще въ прошломъ столѣтіи говорили по болгарски: о славяно-болгарскихъ поселеніяхъ въ Трансильваніи въ V—VI вѣкѣ не можетъ быть и рѣчи; это — поселенія позднѣйшія, времени турецкаго владычества. Страсть автора къ этимологизированію сказалась въ этой главѣ изобрѣтеніемъ царя Мапжука (онъ читаетъ Μουσοβούκος, Μουσοβόκος, вмѣсто Μουσοβίος).

Въ IV-й главѣ г. Иречекъ обѣщаетъ говорить о слишкомъ многомъ — о жизни, нравахъ, поселеніяхъ, происхожденіи пришлыхъ Славянъ и ихъ отношеніи къ кореннымъ обитателямъ. Сказать обо всемъ этомъ обстоятельно въ одной главѣ изъ 26 страницъ мудрено, и авторъ сдѣлалъ бы хорошо, еслибы раздѣлялъ весь этотъ матеріалъ на двѣ или на три главы: онъ самъ чувствовалъ необходимость раздѣленія этого матеріала и подѣлялъ IV-ю главу на четыре части. Первая часть, озаглавленная „Образъ жизни Славянъ“, состоитъ всего изъ 8 страницъ: на первыхъ двухъ страницахъ говорится о наруж-

ности и характеръ Славянъ и о ихъ общественномъ и государственномъ бытѣ; на слѣдующихъ двухъ же страницахъ — о постройкахъ, о занятіяхъ, о домашней жизни и военныхъ обычаяхъ; остальные четыре страницы посвящены мнѳологіи.

„Мы не имѣемъ намѣренія“, говоритъ авторъ, — „представить здѣсь картину жизни Славянъ до ихъ переселенія на западъ и югъ съ первоначальной ихъ родины и ограничимся только указаніемъ богатой литературы по этому предмету“ — и при этомъ ссылается на пять сочиненій.

Очень жаль, что г. Иречекъ отнесся такъ легко къ столь важному предмету, какъ бытъ Славянъ до ихъ расселенія: только зная, чѣмъ были Славяне до ихъ перехода за Дунай, можно опредѣлить, чѣмъ они стали потомъ, подъ вліяніемъ народовъ, съ которыми они потомъ сосѣдствовали и находились въ дружественныхъ или непріязненныхъ отношеніяхъ, которыхъ подчиняли себѣ, или которыми сами подчинялись физически или нравственно. Возможно ли историку Болгаръ опредѣлить, какое вліяніе имѣли на нихъ туземцы, которыхъ они нашли на Балканскомъ полуостровѣ, и особенно, какъ измѣнился ихъ бытъ подъ вліяніемъ пришлой орды Аспаруха, потомъ Византіи, Руинновъ, Половцевъ, Татаръ, и наконецъ — Турокъ, если онъ не будетъ имѣть самыхъ точныхъ свѣдѣній объ общественномъ и государственномъ устройствѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о религіи Славянъ до занятія ими земель, вошедшихъ въ составъ Болгарскаго царства? Такимъ образомъ г. Иречку слѣдовало бы представить вѣрную и полную картину жизни Славянъ до ихъ переселенія за Дунай, а не ограничиваться случайными замѣтками, не всегда даже основательными.

Посмотримъ, что и какъ сообщаетъ намъ г. Иречекъ о бытѣ Славянъ.

Онъ начинается съ наружности Славянъ: „По Прокопію, всѣ Славяне были большаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія. Волосы они имѣли ни свѣтлыя, ни совершенно темныя, но по большей части русые“.

При этомъ г. Иречекъ опустилъ весьма важную черту, отличительную Прокопіемъ (*De bello Gothico*, lib. III, cap. XIV, p. 336, ed. Bonn.): „цвѣтъ лица имѣютъ не совсѣмъ бѣлый“. Какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе Прокопія, можно видѣть изъ арабскихъ писателей (Ибнъ-Фодланъ, Казвини, Якутъ и др.), по словамъ которыхъ Славяне отличались красноватымъ цвѣтомъ лица: отъ того у Арабовъ

Саклябъ (Славянинъ) было синонимомъ краснокожаго меловѣка. Какъ типъ, такъ и одежда Славяпъ имѣють не маловажное значеніе при опредѣніи происхожденія Болгарской орды Аспаруха, а потому г. Иречку слѣдовало бы быть болѣе точнымъ въ описаніи наружности Славяпъ и представить общій итогъ того, что говорятъ объ этомъ предметѣ Византійцы (кромя Прокопія, напримѣръ, Теофилактъ, *Hist. lib. VI, cap. II, p. 244* по болгск. изд.), западные лѣтописцы (*Einhardi Vita Caroli, lib. II, p. 29* *Widukindi Gesta Saxon. lib. II, c. XX, p. 444* и др.) и Арабы (см. извѣстные труды Фрепа, Шармуа, Хвольсона, Гаркави). Объ одеждѣ Славяпъ г. Иречекъ совсѣмъ умалчиваетъ, хотя они отличались ею отъ пришлыхъ Болгаръ, что весьма важно при оцѣнкѣ славяно-болгарской теоріи. Прокопій, показаніемъ котораго нужно особенно дорожить по отношенію къ Задунайскимъ Славянамъ, упоминаетъ объ одеждѣ нижней (рубаха) и верхней (плащъ) и о короткихъ портахъ (гаги или гашти, срв. серб. гаћи, чешск. *gatě*, польск. *gacie*). Послѣдними Славяне отличались отъ Болгаръ, носившихъ широкія шаровары.

О характерѣ Славяпъ г. Иречекъ приводитъ только отзывъ Маврикія, по словамъ котораго они были добродушны, открыты и гостепріимны. Характеристику Славяпъ можно было бы дополнить, по Византіяцамъ (напримѣръ Прокопій, Теофанъ, Левъ Діакопъ), западнымъ лѣтописцамъ (Фредегаръ, Титмаръ, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ и др.) и Арабамъ (Ибнъ-Фодланъ, Массуди, Аль-Бекри, Идрисси и др.), при чемъ не слѣдуетъ забывать дурныхъ сторонъ въ характерѣ Славяпъ: честные, добродушные, гостепріимные, храбрые и отважные, Славяне были мстительны и въ мести доходили до свирѣпости, постоянно ссорились и враждовали между собою, „ни въ чемъ между собою не соглашались“, какъ говоритъ Маврикія; „если одни въ чемъ согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе; ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому“.

О задругѣ или семейной общинѣ г. Иречекъ повторилъ сказанное Воцелемъ въ его „*Pravěk země české*“, II, 341—344 (или по русск. переводу г. Задерацкаго: „Древнѣйшая бытовая исторія Славяпъ вообще и Чеховъ въ особенности“, стр. 157—161). Жаль, что г. Иречекъ говоря о семейной общинѣ, ни слова не сказалъ о семьѣ: это—вопросъ очень важный въ славянскихъ древностяхъ. Уже Шлейхеръ (Краткій очеркъ жизни сѣв.-вост. отдѣла индо-германск. языковъ, въ Зап. II-го Отд. Ак. Н. 1865, VIII, 1), доказалъ, что еще въ обще-арійскій